

Увидев выражение лица господина, Лю Гуан понял, что его не в чем не упрекают, и обрадовался. Похоже, положение той младшей сестры в сердце господина значительно упало. Он не знал, что случилось, что изменило отношение господина, который раньше относился к ней как к сокровищу. Возможно, стоило спросить у слуг других учеников в академии — те ученики, что учились в академии в лучших условиях, обычно брали с собой слуг. Большинство из этих слуг умели читать, и иногда те, кто был в хороших отношениях, поддерживали связь. Лю Гуан, сопровождавший Сун Цинъи в академию, не был исключением. Обычно слуги не общались между собой, ведь они были всего лишь слугами, но случались и особые исключения, как сейчас. Слугам было полезно обмениваться информацией, чтобы понимать обстановку, а то, когда дома господа и госпожа начнут расспрашивать, будет что ответить.

А Сун Цинъи, не дожидаясь Лю Гуана, который, казалось, задумался, кивнул ожидавшему слуге из внешнего двора:

— Иди, отведи гостя в покои Инцин, подайте хороший чай и угощения. Скажи ей, что господин скоро придет.

Покои Инцин находились в резиденции Сун неподалеку от главного зала, вид там был приятный, отделка изящна, и обычно их использовали дамы дома Сун для приема гостей — ведь Ло Синцзюань была женщиной, и ждать её в главном зале было бы совсем неподобающе. Отсюда же было видно, насколько старая госпожа Сун не любит этого человека. Ведь гостя была женщиной, и хотя она искала Сун Цинъи, в отсутствие его и супруга её могла бы принять старая госпожа Сун, или, в худшем случае, приказать отвести её в покои Инцин. Но вместо этого она ждала, пока вернется Сун Цинъи.

Сун Цинъи прекрасно знал, что его мать не любит Ло Синцзюань: так было ещё в прошлой жизни. Возможно, потому, что в прошлой жизни он слишком часто ссорился с родителями из-за этой младшей сестры. С того момента, как имя Ло Синцзюань впервые попало на уши родителям, их сын начал спорить с ними ради того, чтобы позволить ей стать его законной женой — а в условиях, когда в доме Сун уже была выбрана невеста для старшего сына, конфликт был неизбежен.

В этой жизни он больше не спорил с родителями по таким поводам. С той ночи, как он проснулся после свадьбы, имя Ло Синцзюань в доме Сун стали упоминать реже, а ещё благодаря тому, что его отношения с Ци Жуньюнем были весьма гармоничными, атмосфера в доме Сун изменилась, хотя прежняя пропасть уже и была создана.

Как человеку, живущему второй раз, Сун Цинъи было нечего беспокоиться об этой пропасти; напротив, он был этому очень рад, особенно учитывая его дальнейшие планы...

Увидев, как слуга уходит выполнять приказ, Сун Цинъи подозвал к себе Лю Гуана, который с любопытством наблюдал за его поведением, прошептал ему на ухо несколько слов, отправил по делу и лишь затем поправил одежду, направляясь в покои Инцин.

В покоях Инцин сидела девушка в белом, с высокой прической «суйюнь», под которой скрывалось лицо с легким оттенком грусти и каприза. Ло Синцзюань отнюдь не была той красавицей, от которой невозможно оторвать взгляд. Скорее, она была похожа на милую соседскую девушку, очаровательную и живую, с капризным характером, избалованной вниманием. Поэтому такое выражение лица ей совсем не шло. Сун Цинъи стоял у двери, глядя на эту женщину, которую, как ему казалось, он не видел целую вечность, и на его губах играла легкая насмешка.

— Старший брат...

Она не успела договорить, как слезы уже потекли по её щекам. Увидев Сун Цинъи в дверях, Ло Синцзюань встала с места, и две влажные дорожки скатились от уголков её глаз.

Сун Цинъи не подошел. Его взгляд медленно скользил по человеку, которого он не видел много лет. Белое платье, черные волосы, в глазах — легкая печаль, вид был несколько растрепанным. Этого он никогда не мог бы увидеть у той младшей сестры, которую прежде носил на руках и лелеял. Он помнил, как эта женщина стояла в главном зале дома Сун, прильнув к своему возлюбленному, в пламенно-красном платье, с гордым взглядом и злой, кокетливой улыбкой на губах:

«Старший брат, ты и правда глуп. Не хочешь наследовать дом Сун и надеешься, что я останусь с тобой? Ты хочешь идти на экзамены на чин, но я не твой глупый муж-жена, у которого есть прекрасная дорога под ногами, а он глупо позволяет себе жить всё хуже и хуже».

В то время то огненно-красное платье, украшенное изделиями из люли дома Сун, запечатлелось в его глазах, переполняясь раскаянием и обидой.

Глазам Сун Цинъи словно представилась та сцена, когда его самого в прошлом году гнали из главного зала дома Сун, и там, где не было ран, тело болело так, что он едва мог стоять.

— Старший брат?

Видимо, реакция Сун Цинъи оказалась для Ло Синцзюань неожиданной. Она сделала шаг вперед, но, испугавшись того, что её обычно учтивый старший брат сейчас совершенно лишен выражения на лице, остановилась и с опаской посмотрела на него.

В её воображении, увидев её слезы, старший брат должен был поспешить утешить её, но сегодня он не только не подошел, но и в его глазах читался гнев.

Ло Синцзюань гадала, не вызвало ли её внезапное появление недовольство старшего брата. Но она ждала дома больше месяца, уже приближался тот день свадьбы, который она обманом назначила ранее, но вестей не было. Даже письма, отправленные через слуг, оставались без ответа. Боясь, что случилась какая-то неприятность, Ло Синцзюань пришлось прийти самой.

Услышав её голос, Сун Цинъи очнулся, и в сердце его шевельнулось чувство горечи. Спокойствие, которое он поддерживал в течение этого месяца, наконец слетело при виде этой женщины. Ненависть за разрушенный дом, месть за погибшую жену и не родившегося ребенка — как он мог сохранять спокойствие? Как он мог обмануть себя, заставив забыть обо всем, что было в прошлой жизни, и притворяться спокойным? Он хотел, чтобы эта пара предателей тоже почувствовала вкус потери всего!

И хотя в сердце бушевала буря, на лице Сун Цинъи ничего не изменилось, лишь глаза, выдавшие ту вспышку гнева, когда упали на Ло Синцзюань, вместо ярости выразили боль:

— Как ты могла прийти одна? Что, если случится что-то?

Услышав эти слова, Ло Синцзюань наконец успокоилась, и слезы на её лице высохли, уступив место надменной красоте:

— Старший брат, ты женился и завел детей, так что, наверное, уже забыл, что я всё ещё жду тебя дома!

Сун Цинъи наблюдал, как эта женщина быстро меняет лицо, но делает это естественно. Если бы это был он из прошлой жизни, он бы, наверное, подумал, что это просто переменчивая реакция на страх. Но нынешний Сун Цинъи видел, что она просто считывает его настроение и, успокоившись, переключается на ту сторону, которую он лучше всего знал раньше.

Скрыв эмоции, Сун Цинъи грустно улыбнулся:

— Младшая сестра... я... ты разве не понимаешь моего отношения к тебе?

— Старший брат, прости, мне просто стало страшно. Дома уже начали готовить мою помолвку, а от тебя давно не было вестей. Я даже отправляла Лю Хуа с письмом, но...

Ло Синцзюань сделала шаг вперед, ожидая, что, как и раньше, старший брат заключит её в объятия, тихо утешит и даст обещания.

Лю Хуа, о которой говорила Ло Синцзюань, была её служанкой, также была ещё одна по имени Цуй Му. Хе-хе, «Лю Хуа» — гранатовый цветок, «Цуй Му» — изумрудная завеса. У неё при себе были Лю Хуа и Цуй Му, а у него — Хун Сю и Тянь Сян. Раньше он, возможно, счел бы это совпадением и судьбой, но теперь... он понимал, что его, дурака, выслеживали давно.

О визите Лю Хуа он, конечно, знал, но не стал показываться, приказав привратнику просто прогнать её. В то время он как раз был занят с Ци Жуньюнем на печях.

— Я не знал о визите Лю Хуа. Раньше отец послал меня учиться на печи, и меня не было дома. Отец сказал, что наш брак будет обсуждаться только после собрания мастеров люли. Мать также беспокоится, что после нашей свадьбы я буду холоден к законному мужу, и хочет, чтобы сначала у нас родился законный сын. Я не хочу обижать тебя и боюсь, что ты будешь меня винить.

Сун Цинъи в такт движению Ло Синцзюань сделал шаг назад, не переставая говорить, и голос его звучал полным вины и сожаления.

Сун Цинъи внимательно следил за лицом Ло Синцзюань и заметил, что при упоминании законного сына её выражение действительно изменилось, но она быстро скрыла это. Если бы он не следил за ней так пристально, то мог бы подумать, что ему показалось. Да, как ей было не измениться в лице? Вспомнить, что она говорила тогда: если бы он не настаивал на том, чтобы сначала родился законный сын, она бы не стала действовать, когда Ци Жуньюнь уже должен был родить.

Ради того своего несчастного ребенка, который так и не увидел свет, он не мог отпустить этих людей.

— Старший брат, ты говорил, что увезешь меня. Неужели ты теперь собираешься слушаться родителей и прожить всю жизнь с мужем-женой?

Слова Сун Цинъи поразили Ло Синцзюань. Неужели её старший брат собирался смириться и слушаться родителей?

— Старший брат, разве ты больше не хочешь меня?